

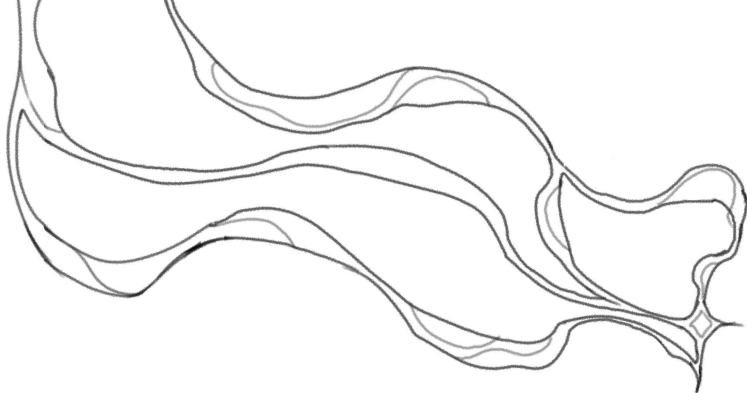
*Моей подруге Ленте, без которой этой книги
не было бы вообще — а ещё Жене, Мари и Хайм,
без которых она была бы совсем другой...*

*...и всем-всем, кто покидает дом,
чтоб отыскать утраченное
или отправиться за мечтой.*

Эта история — для вас.

ПРОЛОГ

Много я повидал чудес, а привыкнуть не могу. Говорят, что более прочих славится небывальщиной юг. И сложно поспорить: чего только не увидишь среди барханов великой пустыни! Есть там деревья с гору высотой, ствол чёрный, а листья серебряные, и каждый из них — погибель. Есть караваны из мертвецов, издали — точь-в-точь как живые: едут люди верхом на тхаргах, катятся повозки, трубят заунывно рог, звенят колокольчики... А присмотришься — и ахнешь: что наездники, что скакуны — кожа да кости, глаза чёрные и ссохшиеся, языки набок висят, а роскошные одежды уж давненько истлели, как паутина на просвет. Рыщет такой караван, рыщет — поживы ищет. А пропасти бездонные? А садхам — красный вихрь? А проказливый зверёк эль-шарих — юркий, ушастый, о двух хвостах и с ладошками, как человечьи, только маленькие? Этот, рассказывают, спас столько же людей, сколько и погубил, и нипочём ему ни солнце, ни мертвоходцы, ни зыбучие пески.

Даже я, Сэрим, не поручусь, что с эль-шарихом управлюсь без своей флейты.

Восток тоже богат на диковины. Чего только стоит Шимра, жемчужина Ишмирата! Во всём мире, пожалуй, второго такого города не сыскать. Шимра живёт чудесами — и немудрено, ведь здесь кимортов больше, чем на всём юге и севере вместе взятых. Там, на базаре, можно купить всё что угодно: и морт-меч, одним взмахом способный заковать Рукав Мира льдами и остановить бурное течение, и шкатулку, в которую уместится целиком ездо-

вой гурн с ушами и хвостом, и тончайшие шелка, что не горят в огне, зимой согревают, а летом охлаждают. А средоточие чудес — цех кимортов. Стены в том дворце из благоуханного белого дерева, крыша — из тончайшей розовой яшмы, а во внутреннем дворе цветёт, не увядая, вечная эрисея, и трепещут в призрачном свете пунцовые лепестки... Любое чудо подвластно кимортам, и нет ничего, перед чем бы они отступили — кроме разве что смерти или сброса.

И хоть люблю я восток, а всё же редко там бываю: устаю от великолепия, да и тамошние вельможи больше ценят изысканный перебор семиструнки, чем флейту и её печальный напев.

Есть чудеса и на севере — горы, чьи недра полны самоцветов, и плодородные туманные долины вокруг Ульменгарма, и Седая Хродда у самых гор — неприступная твердыня, возведённая кимортами в незапамятные времена. Ходят легенды, что в ту пору они оборонялись от напасти, перед лицом которой пали все прочие земли, но что нам до тех легенд? Ныне от былого величия севера только старая крепость и осталась... А ещё люди. Таких искусных мечников поискать в целом свете — и не найдёшь! Говорят, у них пламенные сердца и очи, что видят любую ложь.

Я не знаю — не проверял, но обманщиков на севере и впрямь поколачивают исправно.

И если уж речь зашла о диковинках, то скажите на милость, разве ли видано такое, чтоб юная дева покинула Шимру наивной ученицей, за которой глаз да глаз нужен, но уже через полгода превзошла своего учителя в силе? Истинно вам говорю, правда это — провалиться бы мне на месте, если б я солгал! Но только вряд ли расскажет вам та дева, какой ценою далось ей это чудо, что она потеряла, а что обрела... Да и мало кто понял бы её, даже если бы она и рассказала.

Или вот ещё чудо — встретить посреди далёких земель, там, куда не чаял уже вернуться, старого друга.

— Орра, Дёран! Надо же, и впрямь ты. То-то мне стон семиструнки издали знакомым показался, аж сердце прихватило да уши заныли...

— И тебе привет, Сэрим, приятель! Да и мне что-то вдруг захотелось рукою кошель накрыть и монеты пересчитать: ну, думаю, не иначе ты где-то рядом ходишь.

Он хохочет, да и я не отстаю; он сказитель, и я музыкант, а оба два мы — бродяги без роду без племени. Кому дружить, как не нам?

Приметив по запаху приличное заведение, беру по стакану горячего вина — не из раймы, но тоже неплохого — и мы садимся в свободный угол. Пока Дёран пристраивает рядышком чехол с семистрункой, разглядываю приятеля исподтишка. Он ничуть не изменился, только снова волосы стали короче, а взгляд — печальней; не иначе, потерял кого-то близкого не так давно.

И я догадываюсь даже, кого... Но прежде чем успеваю сказать хоть что-то, Дёран оборачивается ко мне и говорит:

— Послушай, приятель, и как там сейчас — на юге?

— Так же, как и всегда, только хуже, —жимаю плечами. — Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть, правда, и добрые вести. Город Дабур, что далеко на юго-востоке великой пустыни, получил избавление от эпидемии. Долгих полгода бродила смерть по его улицам, не различая правых и виноватых; городской совет же постановил сокрыть правду, чтобы не потерпеть убытков, затворили ворота и подкупили проводников. Несогласных казнили. Перестали туда ходить караваны, кроме немногих избранных — или особенно несчастливых: те, кто всё-таки добирался до Дабура, обречены были остаться в его стенах, желали они того или нет. Спасение принесла благочестивая дева-киморт. За дюжину дней она исцелила больных без счёта и даровала городу волшебную храмовую чашу на случай, если напасть вернётся. Деву-киморта прозвали Избавительницей, и вознесли ей хвалу, и много почестей оказали... Однако разве же может южанин удержаться, если почует запах поживы? И разве же оставит какой правитель в живых свидетеля своей слабости и подлости? То-то же. Коварный Абир-Шалим арх Астар, глава совета, хитростью пленил деву-киморта, одурманил её и продал работоторговцу из Кашима. Вот только радовался он недолго! Услышав о творимых советом беззакониях, конклав направил к городу отряд всадников-арафи,

и ныне головы виноватых украшают пики над городскими стенами; в честь Избавительницы же в храме установили изваяние в образе Благодатного Ветра Дождей.

Перевожу дыхание; а Дёран, опустив глаза долу, говорит только: — Вот как.

Мне, право, становится немного обидно — самую малость.

— Это ещё чего! — добавляю я с азартом и чуть наклоняюсь к нему заговорщически. — В городе-оазисе Кашиме случилось чудо, какого уже лет триста не видывали. Дождь пошёл. Да какой дождь — ливень, с громом, с молнией! Улицы ненадолго обратились полноводными реками, а в небе раскинулась двойная радуга — знак великих перемен. А виной всему, говорят, дева-киморт. Увидела она на базаре человека, обманом проданного в рабство, осерчала — тут-то буря и налетела. Торговец неблагодарный тут же покаялся в обмане, отпустил того раба, а с ним вместе ещё дюжину; за ним и другие повторили, не дожидаясь, пока дева-киморт обратит на них ясный взор, и за то прозвали её Освободительницей, а ещё Подательницей Воды — за ливень. Послала за ней сама михрани, желая испытать её мудрость за игрой в на-джи, но была посрамлена и повержена. Послал за ней и младший сын михрани по имени Ачир, но был он, в отличие от царственной своей матери, учтив и добродетелен, и за то дева одарила его дюжиной колдовских мечей, равных которым по силе нет. И недалёк уже тот день, когда власть в городе перейдёт к нему, а он... а он, говорят, рабство терпеть не будет.

Снова умолкаю, смотрю на Дёрана, жду, что он скажет. А он повторяет растерянно:

— Вот как.

И тут я, признаться, уже сержусь.

— Тебе как будто бы всё равно, — упрекаю его. И подвигаюсь ближе, понижая голос: — Ну, слушай, этого-то тебе никто не расскажет, кроме меня... В конклаве нынче наметился раскол. Издревле пять сотен семей правили пустыней; пятьдесят благородных мужей делили силу между собою, а пятерым давалась особая власть: один всадниками повелевает, другой страже приказы отдаёт, третий налоги собирает, четвёртый дорогами да источни-

ками ведаёт, а пятый — добычей мирцита. И вот так случилось, что завладел рудниками паршивый пёс Ата-Халим — ох, и поганный же человечишка! Гордыня ему досталась от матери, что род ведёт от всадников-арафи, а подлость и изворотливость с жаждой наживы он унаследовал от отца, кашимского купца. А чем оазис Кашим славен?

И тут Дёран наконец выходит из забытья — и кривится.

— Как не знать, — говорит он, а его смазливое лицо на мгновение жутким становится. — Только славой бы я это не назвал. Из людской крови, из горького горя там золото добывают — Кашим свои богатства на рабстве сколотил.

— И будь уверен, что Ата-Халим — истинный кашимец, — усмехаюсь. — Первый он среди подлецов, и среди палачей, и среди предателей... Что уж говорить, сорок лет тому назад он собственную дочь продал в рабство за то, что она отказалась идти к нужному человеку третьей женой в гарем и хотела убежать с торговцем-северянином в Беру! Говорят, что треть рынка в Кашиме принадлежит Ата-Халиму. И вот такой человек — где обманом, где лестью, где угрозами — заполучил место в конклаве и прибрал к рукам мирцитовые рудники! А у кого мирцит, тот и суд вершит, как в пустыне говорят... И давно бы он весь конклав под себя подмял, если б не сопротивление храма Пяти Ветров. Жрецы-то давно зуб точили на работорговцев, ведь Благодатный Ветер Дожей запретил человеку владеть другим человеком, а Справедливый Ветер повелел не терпеть зла. Вторая по силе в конклаве — Вещая Госпожа Унна, жрица Ветра Карающего, и Ата-Халиму она спуска не даёт, а городская стража ей опора. Всадники-арафи же Ата-Халима поддерживают, да и сборщики налогов тоже, говорят, хоть прилюдно не склоняются ни одному, ни к другой... Долго держалось хрупкое равновесие, пока в Город Ста Чудес, великий и славный Ашраб, не явилась дева-киморт, оваянная славой. Шла она по следу работорговцев, коварством и подлостью пленивших двух молодых кимортов с севера, брата и сестру — и, заручившись благословением Вещей Госпожи, сумела отыскать безвинно пострадавших и жестоко наказать виноватых! И кто б, ты думал, осмелился попать все законы и ки-

мортов продать в рабство? Племянник Ата-Халима, подлый Радхаб! Благородная дева-киморт обрушила на него справедливый гнев, и багряный вихрь, садхам, поглотил в один миг поместье, где творилось беззаконие! Радхаб попытался отомстить и послал за нею вдогонку убийц, но ясноокая дева разметала их одним движением руки, и горе было тем, кто не внял предупреждению и атаковал снова... Лишь один из десяти наёмников вернулся живым. И знаешь, как прозвали тогда в Ашрабе деву-киморта?

Дёран легонько касается семиструнки, и она отзывается вздохом-трелью.

— Несущей Возмездие? Справедливой? — улыбается он краешками губ, точно вспоминает кого-то родного.

А я только вздыхаю:

— Рождающей Бурю. Ибо теперь, после такой пощёчины, ни Радхаб, ни дядька его Ата-Халим не сумеют усмирить гнева, а Унна, благородная Вещая Госпожа, не станет терпеть несправедливости. Она, я слышал, уже выступила в конклаве, обличая злодеяния Ата-Халима, и всадники-арафи собираются к Ашрабу с разных концов пустыни, а храмы во всех оазисах, больших и малых городах, вывесили на стены знамя Ветра Карающего. Нет, не быть миру... А дева-киморт — Избавительница от недуга, Подательница Воды, Освободительница и Рождающая Бурю — двинулась к северу. К слову, дружище, как тут дела-то... на севере? — добавляю несмело, ибо и желаю, и страшусь услышать ответ.

Дёран молчит, и сердце у меня замирает.

— Так же, как и всегда, — говорит он наконец. — Только хуже. Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть у лорги два сына, которых он больше других выделяет — Мирра, наместник юга, и Кальв, наместник востока. Прежде были они не разлей вода, а нынче глядеть друг на друга не могут — сразу ругаться начинают; и добро бы только ругались, так и десятидневья не проходит, чтоб одна дружина с другой на границе не схлестнулась. А лорга вместо того, чтоб сыновей осадить, помирить, только масла подливает! Дряхлый старик уже, что пень гнилой, а всё туда же — за власть свою боится... Между тем дальние деревни в упадок приходят; дети-киморты давно уже там на свет не родятся, а где

родятся, добра, как сказывают, не приносят. Так в одно поселение на северо-востоке, что раймой промышляло, зачастили мертвоходцы. Сперва по одному, затем по двое, а после уже и вовсе житья не давали! Даже огненная ограда, мастером сработанная, и та не помогала... И быть бы большой беде, большой крови, если б не появился там откуда ни возьмись эстра — не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. Быстро он отыскал способ отвадить беду: мертвецов своей силой привлекала девочка-ки-морт, которую мастер от жадности да по глупости отказался отправлять в цех на воспитание. Мастера эстра отчитал, а девочку пожалел и взял в ученицы; наутро он тронулся в путь, и с тех пор мертвоходцы к деревенским воротам, говорят, не приближались. За то его Справедливым прозвали — мол, хоть и строг он, а беспристрастен.

Дёран говорит — семиструнка отзывается перезвоном, тихим-тихим, как вздох. А я слушаю — и вижу, как наяву, да только не то, о чём он рассказывает, а то, что давным-давно было. Города-крепости в горах, возведённые из белого камня; узорчатые мосты, переброшенные через пропасти; глубокие шахты, где невиданные сокровища добывают, и дороги, прямые и широкие, и всадников, что по тем дорогам летят, и стелются за ними по ветру зелёные плащи с рыжей меховой опушкой...

Всё это взаправду было, а нынче стало старой-старой сказкой.

Города заброшены и заросли лесом, от дорог и воспоминания не осталось, ажурные мосты обрушились, и лишь кое-где остовы торчат, как обглоданные кости.

Сердце — глупое и жалкое — трепещет.

— Да, — выдыхаю еле слышно. — Бывает и так.

А Дёран вскидывается, кладёт на колени семиструнку, ставит чуткие пальцы на струны, и льётся тихая музыка.

— Это ещё что! — говорит он и лукаво улыбается. — Слышал ли ты, как прохожий странник вернул воду в Беру? Ну так слушай. Ещё в незапамятные времена кудесница Брайна подарила городу чудесный источник. Зимой он не перемерзал, летом вода лилась прохладная и чистая-чистая, и никакие засухи ему были нипочём. И тут нынешней весной вдруг затряслись горы, захо-

дили ходуном, а источник обмелел. Поначалу никто в том большой беды не видел — есть и другие колодцы, и ключи, и ручьи... Но городской-то голова знал, что первая же засуха погубит Беру, а потому искал пути к спасению; но не так-то это было легко — нынешний лорга кимортов не привечает. И тут явился откуда ни возьмись эстра с ученицей — не то из-под земли вырос, не то с неба упал! Слово за слово, разговорился с городским головой — да взялся за сложное дело. Воздел он руки — и задрожала земля, горы ходуном заходили, слышался гул... а потом как взмыл вверх фонтан воды, как загорелась радуга! Целый день, говорят, она над городом провисела. Воды в источнике Брайны стало столько же, сколько и прежде, если не больше; а сама она прежде мечом в землю указывала, а нынче в небо целится. Эстра в городе долго не пробыл, дальше пошёл, а людская молва его новым именем наградила — Хозяин Вод. Ну, каково?

Дёран улыбается, смотрит на меня чуть исподлобья, иско-са, как ишмиратские девы, и седая коса у него перекинута через плечо, а серые бродяжки одежды словно бы отсвечивают травяной зеленью, как в прежние времена, и будто бы проступает на них искусная вышивка... И вижу я, как наяву, Брайну-Кудесницу — ту, что была и лоргой, и кимортом, и искусной воительницей; давно она жила, но оставила по себе великую славу. Это она проложила в горах дороги; она отстроила дивные города, похожие на оживший сон; это её усилия растревожили недра гор, и...

Впрочем, неважно — больно давно всё было.

Нынче от неё только осталось, что один источник на юге, в Бере, и одна крепость на севере.

И память. Память жива ещё, да.

— Надо же, — вздыхаю, отводя взгляд. — И так бывает.

В груди щемит.

А Дёран, задетый невниманием, разминает пальцы, придвигается ближе, понижает голос, и вторит ему мелодия семиструнки.

— Ну, то приписка была, а сказка впереди... Вот, послушай, этого тебе никто не расскажет, особенно здесь, в столице, у лорги под боком. В славном городе Свенне, что в Западном Лоргинариуме, есть ночная ярмарка. Она для простого люда, который

не в ладах с законом, и страже обычно туда ходу нет. И вот представь, в разгар торгов к прилавку обычного торговца пирожками подлетела дружина из самого Ульменгарма, всадники, что подчиняются самому лорге! Подскочили — и схватили одну девчонку-замарашку, а женщину, что с ней была, едва на месте не зарубили. Люди зароптали, но что против всадников с морт-мечами сделаешь? То-то же. И тут откуда ни возьмись явился эстра-бродяга — не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. «Где это видано, — молвил он, — чтоб малое дитя при всём честном народе похитили и никто за девочку не вступился? Стыд вам!» Женщину он исцелил — почитай, из мёртвых вернул, а потом вдогонку за всадниками кинулся. И знаешь, что, друг Сэрим? Его-то с девчонкой-ученицей позже на дороге увидели, а вот дружину — нет. И морт-мечи их не спасли. А прозвали его за то...

— Освободителем? — выгибаю я брови, вспоминая о Фогарте и её подвигах. Становится веселей. — Спасителем?

— Если бы, — вздыхает Дёран, и взгляд у него задумчивым становится, темнеет, как вешнее небо перед грозой. — Прозвали его Погибелью Лорги, а ещё Несущим Возмездие. И, сам понимаешь, приятель, знак это недобрый. Значит, пришёл срок — слишком долго лорга престол занимал, а добра народу не сделал, и чаша терпения переполнилась. Не сегодня — так завтра север запыляется... И вот ещё что. Слухи ходят, что не просто так дружинники ту девчонку похитили. Говорят, что они по всему Лоргинариуму забирают кимортов-детей, но не приводят их в цех, учиться у старших, а продают на юг, в рабство.

И всё веселье разом пропадает.

Пригубляю вино, а оно горчит; у Дёрана тоже — вон, как он морщится.

— Похоже, что всё ещё хуже, чем мне на юге виделось, — говорю в сердцах.

Дёран кивает:

— А то. Ещё, рассказывают, недавно появился мирцит необыкновенной чистоты — лучше, чем из южных рудников. А с юга везут морт-мечи, да больше, чем из Ишмира — знай плати только! А откуда морт-мечам на юге взяться, если кимортов там нет,

клинки заклинять некому? То-то же. И горы ещё потряхивает, чем дальше — тем чаще. Не к добру, — тихо-тихо заключает он, и я откликаюсь эхом:

— Не к добру.

А что тут ещё скажешь?

Вино мы допиваем в молчании. Закат успевает разгореться и угаснуть; один край небосвода ещё алый, словно густая кровь, а другой уже иссиня-чёрный, и наползает туман из долины, укутывая город, словно одеялом. И чудится, что прошлое и будущее перемешиваются, размываются, исчезают... Вот-вот пройдёт рядом великая Брайна, бряцая колдовским мечом — и развеется, словно тень; исполинские горы, которые всегда казались нерушимыми, выглядят хрупкими, будто ишмиратские поделки из цветного стекла.

— Эй, приятель, — зову я негромко. Дёран оборачивается — глаза у него чуть вытянуты к вискам, как у пустынного зверька эль-шариха, да и светятся так же, красноватым. — Доведётся ли нам ещё так вместе посидеть, вспомнить былое?

Он замирает сперва, а потом улыбается озорно:

— А зачем его вспоминать-то? Зачем назад оглядываться, не лучше ли вперёд посмотреть? Вдруг там не так страшно, как мнилось? — Дёран поднимается, закидывает за спину семиструнку, треплет меня по плечу. — Да и не так одиноко... Что ни говори, друг, а я устал просто так ходить и смотреть. Может, я и странник без дома и без рода, а всё же друзья у меня есть — и я за них, пожалуй, поборюсь. Даже если б мне для этого пришлось вернуться на проклятый юг! А ты что решишь?

Я не успеваю ответить — он перешагивает через порог и выскакивает на улицу, оставляет меня в тумане, в густом чаду, где бродят призраки. Вот только надолго меня в покое не оставляют — дверь распахивается, и в зал шагает дева-киморт в ярких ишмиратских одеждах. Хиста у неё бирюзовая, нижнее платье — бледно-лиловое, как закатная дымка, а из-под него блестит натальная рубаха, точно сотканная из серебра. Волосы у девы подкрашены рыжеватым и завиваются в локоны от влаги, а взгляд прямой, дерзкий.

Вот она, Фогарта.

И впрямь, Рождающая Бурю, лучше и не скажешь.

— А! — видит она меня и улыбается. — Вот куда ты запропастился! Что с ночлегом-то решим? И есть у меня мысль, как пробиться к лорге, но сперва я бы обсудила всё... ты слушаешь?

Она говорит — и тени прошлого отступают.

А я понимаю, кажется, отчего у Дёрана глаза заблестели, а семиструнка запела на боевой манер.

— Слушаю, — говорю. — Продолжай, конечно.

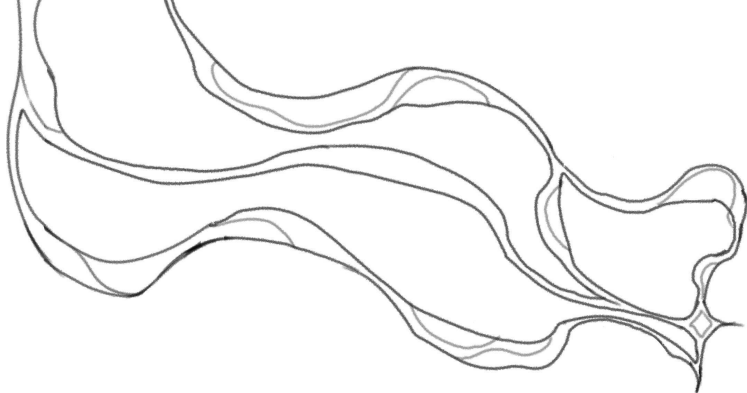
И если быть беде, то мы её, пожалуй, встретим — вместе.

Может, и победим.

СЕВЕРНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Фогарта Сой-рон, Ульменгарм, столица Лоргинариума

Про северян говорили, что они радушные и гостеприимные, но беглецов с юга Ульменгарм встретил неласково — словно чувствовал, что впредь будет от них одно беспокойство.

Начать хоть с того, что пришвартовать дирижабль у городской мачты Сидше не позволили, хоть она и пустовала. Дружинник, потрясая богато украшенным морт-мечом — скверно сработанным, впрочем, такую игрушку и киморт-ученик мог бы походя сломать — велел убираться подобру-поздорову. Фогарта попыталась было его уговорить, потянулась даже за шкатулкой с самоцветами, но он и слушать не стал, напротив, озлился ещё больше.

Сидше, впрочем, отказ не смутил.

— Что же, на нет и суда нет, — мурлыкнул он, сузив глаза, и направил дирижабль обратно к крепостным стенам.

Там, примерно в пятнадцати минутах лёта от города, в низине обнаружилось высокое сухое дерево, оголённое до самой вершины. Судя по многочисленным отметинам, дирижабли частенько здесь останавливались, а окрестные холмы укрывали стоянку от любопытных чужаков.

К примеру, от столичной дружины.

— Тебе приходилось уже здесь бывать раньше? — спросила Фог, с интересом наблюдая за тем, как легко Сидше отыскивает сперва землянку, затем тайник с запасом дров и затейливо спрятанный ключ с питьевой водой. — Или у вас, у контрабандистов, есть свои секретные знаки?

Но он лишь улыбнулся лукаво:

— Как знать. Быть может, мне просто повезло?

Прежде Фогарта, наверное, обманулась бы таким ответом, отвлеклась на интригующе распахнутый ворот хисты, смутилась бы от прикосновения вскользь — кончиками пальцев по напряжённому плечу. Но теперь она научилась видеть, что стоит за манерами Сидше, замечать и дрогнувшие уголки губ, и потухший на мгновение взгляд... А потому поняла: да, ему случалось здесь бывать, вот только вспоминать об этом он бы не хотел.

«Снова Дуэса и её дела?»

— Я бы больше волновался о другом, — вмешался неожиданно Сэрим, спрыгивая с верёвочной лестницы на землю. — Вот там, смотрите, кострище, а вот свежие отпечатки подков, а тут, у корней, вырезан хадарский знак. Не боишься, капитан, что они твою ненаглядную «Штерру» уведут?

— Северяне — люди чести, — невозмутимо откликнулся тот. — И честь их велит не обижать простых контрабандистов. Кто иначе продаст им оружие из Ишмира и драгоценные пряности? Откуда они станут брать яркие шелка на подарки своим жёнам и дочерям? Кому, наконец, продадут свою добычу, стоившую им и пота, и крови, а порою и жизни товарища? На городские ярмарки хадарам путь заказан... — с притворным сожалением покачал он головой.

— Да уж, тут хочешь не хочешь, а будешь честь блюсти, — хмыкнул Сэрим. — Думаю, что на случай, если уж совсем какой подлец попадётся, у тебя на борту что-то припасено?

— Припасено, — не стал спорить тот.

— Оружие? Гремучая смесь? Ловушки? — не унимался Сэрим.

— Март, мой телохранитель, — ровно ответил Сидше, присаживаясь на корточки, и обмахнул от сора знак, вырезанный у корней швартовочного дерева. — Прежде чем я его нанял, уважаемый, он три года ходил главарём у хадаров, так что обычаи их знает как никто иной... Март, ну-ка, спустись. Здесь написано «третьего дня» или «седьмого»?

Оказалось, что рядом с опознавательным знаком хадаров были нацарапаны ещё тайные письма — тоненько, словно бы швейной иглой. Они предупреждали о грядущей облаве дружин-

ников — уже минувшей, судя по датам — и сообщали о новой встрече «под молодой луной».

— Значит, несколько дней у нас есть, стоянка будет пустовать. Удачно, — подытожил Сидше, задумчиво скрестив руки на груди. — Как поступим? До Ульменгарма отсюда идти несколько часов. Случись что, быстро вернуться мы не сможем, даже если получим знак. Все вместе пойдём в город или разделимся?

Фогарта ожидала почему-то, что ответит Сэрим, но он промолчал, искоса поглядывая на неё круглыми птичьими глазами.

«Выходит, что решать надо мне?»

Там, на юге, это выходило как-то естественно. Она, как гончая, шла по следу похищенных кимортов, хваталась за любую подсказку, за всякий намёк; со стороны могло показаться, что дорог много, выбирай — не хочу, но на самом деле путь оставался один, узкий и извилистый, однако же и свернуть с него бы не получилось.

А потом, во время спешного отступления из Ашраба, задумываться было попросту некогда.

Лиура, старший из близнецов-кимортов, мысленно так и остался в плену. По ночам он видел кошмары и часто просыпался в поту — и, что совсем скверно, иногда спросонья бил наотмашь волной чистой морт. Фог укрепила стены его каюты, но надолго это не помогло, так что к исходу первого десятидневья, когда пустыня осталась позади, пришлось посадить дирижабль на берегу Рукава Мира, чтоб залатать пробоину. После починки Сидше попросил пожалеть «Штерру» — и путешествовать только днём, а на ночь останавливаться.

Желающих возразить не нашлось, и только ящерка-садхам заматалась как-то беспокойно... впрочем, возможно, она просто тосковала по бескрайним дюнам, оставшимся позади.

Онор же, в отличие от брата, наоборот, спала целыми днями, точно впервые за долгих два года почувствовав себя в безопасности. Днём она просыпалась на несколько часов, ела, брала дочь ненадолго, понянчить, или вспоминала, как управляться с морт... А затем снова ложилась спать, теперь уже до самого вечера. Ярость, питавшая её в первые дни, угасла, и на смену при-

шла меланхолия. Лишь когда на горизонте показались горные хребты, окружавшие Лоргинариум с юга, Онор немного оживилась и спросила, можно ли будет заночевать у Поющего озера и развести там костёр на обрыве.

— Как раньше. До... до всего, — добавила она, опустив глаза, и морт вокруг неё взвилась языками злого бездымного пламени.

Озеро они и впрямь отыскиали — на карте крохотную точку, а наяву дивной красоты место в окружении водопадов — пусть и пришлось заложить изрядный крюк, чтобы туда добраться.

Онор проплясала у костра до полуночи.

Иаллам терпеливо исполнял обязанности няньки, иногда разделяя их с Сэримом. И только в Бере его охватило такое волнение, что он жарко, едва слезу не пустив от избытка чувств, попросился отпустить его на ярмарку.

— Я на родине пять лет не был, — сказал он, не в силах оторвать жадного взгляда от черепитчатых крыш и булыжных мостовых. — А когда и был, то проездом... Дайте хоть до источника Брайны добежать, что ли!

Фогарта, разумеется, его отпустила — да и как могла бы задержать? Силой разве что, но это надо было совсем совести лишиться... А следом за Иалламом отправился «кой-чего разведать» и Сэрим — и пропал почти на сутки.

Поволноваться тогда пришлось изрядно.

Пожалуй, что единственной, кто не доставлял никаких проблем, была Садхам — девочка-кроха, которой едва исполнилось полгода. Она с одинаковой охотой ела и спала, иногда принималась хныкать, но дело обычно было или в сырых пелёнках, или в коликах; за несколько дней Фогарта научилась справляться и с тем и с другим даже во сне, не покидая собственной каюты.

В остальном же всё шло гладко. И, несмотря на капризы и просьбы пассажиров, маршрут выбирал всё-таки капитан — а Фог большую часть времени коротала в каюте, то за чтением дневников Миштар, то за игрой в на-джи с Сэримом, то за уроками для Лиуры. А в ночь, когда дирижабль подлетал к Ульменгарму, она увидела в небе над городом дивной красоты фейерверк — золотые и лиловые сполохи, зелёные искры, синие и серебряные

спирали, быстро гаснущие во тьме... Почти как в тот раз, когда Алаойш вместе с приятелем, Дёраном, задержался в пьяном доме на целых три дня — на радость ласковым его хозяйкам с медовыми очами. Небосвод над Шимрой тогда стал что шкатулка с самоцветами. Фогарта затворилась в комнате и рыдала от ревности в расшитые подушки, а когда учитель вернулся наконец, то крикнула ему, что лучше б он не приходил вовсе. Сейчас-то и вспоминать было смешно, а в ту пору казалось, что всё всерьёз.

— Вот бы увидеть его снова, — пробормотала она еле слышно, вглядываясь в разноцветные вспышки во тьме за стеклом. — Хотя краешком глаза. Я б его больше ни в чём не попрекнула. Я бы...

Сидше тогда находился совсем рядом и, без сомнений, всё слышал, но сделал вид, что оглох, только хватка на штурвале стала такой крепкой, что костяшки побелели.

Впрочем, то было вчера, а сегодня он стоял и ждал решения, безмятежно скрестив на груди руки и спрятав ладони в широких рукавах хисты.

— Вместе пойдём, — наконец ответила Фог, крепко всё обдумав. — Если ты говоришь, что для защиты «Штерры» достаточно одного Марта, то пусть он остаётся. Вместе с Чирре, наверное, — добавила она уже менее уверенно. — Что же до способа связи... Могу, к примеру, наполнить два прутика своей морт. Тогда, если их переломить, я пойму, что здесь беда.

— Разумно, — согласился Сэрим, прищурившись. — Значит, близнецов ты с собой берёшь. А младенца?

— Садхам тоже, — кивнула Фогарта. И добавила спешно: — Обоих то есть, и девочку, и ящерку. И в город можно войти по отдельности. Иаллам у нас нянь... то есть за ребёнка отвечает, Оноп и Лиура пойдут вместе с ним. На севере ведь не редкость, когда родич-мужчина сопровождает в путешествии молодую семью?

— Чем больше людей, тем легче отбиться от хадаров, — подтвердил Сэрим. — Ну а мне-то можно никем не притворяться. Любому достаточно взглянуть на мою рожу бродяжью и вот на эту малютку, — погладил он флейту, заткнутую за пояс. — Сразу и станет ясно, что я странствующий сказитель, а нашего брата на севере, пожалуй, уважают побольше, чем на юге... Что же, вот

и решили. А вы с этим хитрованом, стало быть, вместе в город войдёте? Тоже супругами назовётесь?

Фог бросило в жар, а Сидше отвернулся, пряча лукавую улыбку.

«И когда эти двое успели спеться? Ведь недавно же были что вода и масло, только и делали, что спорили!»

— Обойдёмся без обмана, — ответила Фогарта, опалив Сэри-ма яростным взглядом — безуспешно, впрочем, нахал и бровью не повёл. — Но пойдём мы, конечно, вместе, Сидше ведь единственный из нас, кто не очень хорошо изъясняется на лорги. Вдвоём сподручнее! И вообще, нам надо будет купить еду, местную одежду... И что-то для младенца тоже. Ведь здесь есть нечто вроде молочных орехов, наподобие тех, что в оазисах растут?

После этих слов воцарилась странная тишина. Март замер у верёвочной лестницы, точно изображая дорожный столб; Сидше продолжал улыбаться, чуть склонив голову набок. И только Сэрим, кашлянув, пробормотал себе под нос:

— Вот потому-то я и предложил сразу назваться мужем и женой... Кто после таких покупок поверит, что вы не супруги?

Ответом его Фог не удостоила: если чему пустыня её и научила, так это тому, что любую неловкость и глупость можно замять, а то и превратить в триумф, если держаться поуверенней и делать такое лицо, как будто в нос пушинка попала, а чихнуть нельзя.

Выступать условились тут же, не мешкая. Лиура сам, пусть и не с первой попытки, переделал одежды для себя и сестры на северный манер, и теперь они щеголяли в одинаковых штанах, рубашках с высоким воротом и дорожных плащах, которые только цветом и отличались. Иаллам остался в шароварах и в просторной накидке, с шарфом, обмотанным вокруг головы, поскольку собирался представиться страже у ворот сыном небогатого купца из Ашраба: смешанных браков хватало, так что это никого бы не удивило. Первым в город должен был проникнуть Сэрим и, если опасности нет, подать сигнал; Фогарта с Сидше решили идти последними.

«Штерру» спрятали за клубами облаков, сквозь которые живописно просвечивали острые верхушки деревьев, чтоб её случайно

не протаранил другой дирижабль. Затем попрощались с Мартом и Чирре — и отправились в дорогу.

Пахло сыростью, молодой листвой, лесом и слабо-слабо — цветами; издали, с востока, тянуло дымком.

Одуряюще пели птицы.

Ульменгарм располагался в самом центре Туманной долины, словно яблоко на серебряном блюде у великана. От края до края — почти дюжина дней пути; впрочем, всадник на резвом гурне мог бы справиться и быстрее. Здесь было ощутимо теплее, чем даже в Бере, у южных границ, а солнце даже в полдень светило точно бы через дымку: земля изобиловала не только реками, но и горячими источниками, и пар, который вечерами окутывал долину плотным одеялом, утром поднимался вверх. Здешние почвы славились плодородием и давали несколько урожаев в год, а скот, который бродил в тумане по зелёным пастбищам, давал обильный приплод и, как уверяли северяне, никогда не болел... Кое-кто утверждал, что необычайными свойствами эту землю наделили духи предков, и в какой-то степени с этим можно было согласиться.

Когда-то в незапамятные времена — тысячу лет назад, если не больше — Туманную долину создали киморты.

Ступая по желтоватым, словно старые кости, камням тракта, Фог знай себе крутила головой по сторонам, не зная, куда смотреть в первую очередь. Её восхищало всё, но больше прочего — потоки морт, которые текли вокруг подобно полноводной реке. Их направляли древние мирцитовые монолиты, спрятанные под плодородным слоем почвы, в глинисто-песчаных слоях, на глубине в три-четыре человеческих роста. Благодаря этим потокам не пересыхали многочисленные оросительные каналы, а разводящие трубы под землёй оставались целыми. Морт доставляла из недр на поверхность воду горячих источников и позволяла не истощать поля частыми урожаями, а ещё не допускала в долину опасные болезни и прожорливых жуков; говорят, что двести лет тому назад появилась какая-то новая напасть, с которой древняя защита не справилась, и пришлось обращаться за помощью к кимортам.

Одним из тех кимортов — Фогарта знала это наверняка — был Алаойш Та-ци. Другим — его наставница.

С тех пор, по счастью, хвори продолжали обходить окрестности Ульменгарма стороной. Но сама Туманная долина с каждым десятилетием всё больше приходила в упадок — меньше засеивали земель, да и стада были не такими тучными, как в стародавние времена. Говорят, что теперь попросту не требовалось кормить столько народа: жизнь сосредоточилась в нескольких крупных городах, а прочие оказались позаброшенными. Что же до деревень, то там обитатели сами себя обеспечивали, возделывая окрестные поля — не такие богатые, конечно, но всё же их было достаточно.

Разглядывая вдаль, за пеленой, белёсые остовы старых каменных домов и башен, Фогарта как никогда жалела о том, что прежде мало интересовалась историей и стеснялась расспрашивать учителя о прошлом, больше налегая на учёбу... В итоге искусством управлять с морт она всё же овладела сама, а вот рассказывать ей старые сказки было уже некому.

Сердце точно осколок кольнул.

— Да-а, — раздался вздох совсем рядом. — Вот делали же раньше — на века.

Говорил Сэрим; проследив за его взглядом, Фог увидела впереди мост, перекинутый через канал — ажурную арку из серого ноздреватого камня, одновременно и воздушную, и основательную. Красиво — но обычно, в общем-то, не сравнить с Шимрой, где встречались мосты из хрусталя, из живой лозы и даже из чистого света.

— Да, — растерянно согласилась она, думая совсем о другом — о том, что прежде киморты не боялись менять сам мир вокруг, делая его более удобным и безопасным, а теперь в основном занимались починкой вещей для богатых вельмож и всякими безделушками. — Раньше делали... Ой, посмотри-ка! Это не городские ворота впереди?

Вообще ей уже довелось сегодня их увидеть, пока Сэрим и Сидше объяснялись со стражей на городской стене. Но мельком и слишком издали: две сторожевые башни, между которыми полагалось пролетать дирижаблям, прибывающим в город, рас-

полагались значительно правее основного входа. Тогда, с высоты, подъездная дорога и подъёмный мост через канал показались не шире портняжной ленты.

Теперь же они поражали воображение.

На главной дороге могли разъехаться без труда четыре телеги, да ещё пешим странникам бы место осталось; мост оказался сделан из необыкновенного камня, точно бы пузырчатого, хорошо укрепленного морт и изрядно облегченного. Сами же ворота — вчетверо шире и вдесятеро выше обычных — почти сливались по цвету с чёрными стенами, если б не узоры из серебра. Точнее даже, не узоры, а целые картины: гербы и вензеля, сцены охоты, ратные подвиги...

— Здесь вся история Лоргинариума, — негромко произнёс Сэрим, и лицо у него сделалось странное, печальное и светлое одновременно. — С давних-давних пор, когда жива была ещё память о напасти из западных пустошей, а сам Лоргинариум ещё на четыре части не разделился... Вон, там, видишь, вверху женщина с мечом? Над ней ещё две луны? Это Брайна. Такие, как она, раз в тысячу лет рождаются, и их не забывают, сколько бы лет ни минуло... Ну, вы полюбуйте́сь на неё издали, а я, пожалуй, пойду, разведая, что к чему.

Фог думала, что Сэрим с его изворотливостью проскочит в одно мгновение, но стражи допрашивали его долго, с четверть часа почти. Пока он выворачивал дорожную суму, показывал содержимое кошель и оправдывался, мимо, под шумок, успел даже проехать табор кьярчи на нескольких телегах, расписанных синей и золотой краской. Стража допытывалась, нет ли у Сэри́ма како́го-то меча и «девки на воспитании», а не обнаружив ни того ни другого, стала обыскивать его по второму разу, не поверив, что он просто странствующий музыкант. Наконец, видимо, для убедительности, Сэрим наиграл на флейте простенькую мелодию — и прошёл в город; Фог, правда, этот момент пропустила — отвлеклась на странное возмущение морт у ворот, исчезнувшее так же неожиданно, как оно появилось.

Вскоре с той стороны стены послышался сигнал — резкая, громкая трель — и следующая часть отряда направилась к воротам.

Поддельной семьёй с крикливым младенцем — Садхам как раз проснулась и недвусмысленно выразила желание перекусить — стражи, впрочем, не заинтересовались. Фогарту тоже никто не обыскивал, только сундук попросили открыть, на что она плечами пожала:

— А толку вам туда смотреть, если я могу содержимое хоть спрятать, хоть изменить?

Один из стражников положил было руку на рукоять морт-меча, но старший в отряде быстро оттеснил его, качнув головой, и обернулся к Фогарту:

— Вы уж простите его за рвение. Мы, скажу по секрету, одного опасного преступника ищем, который эстрой притворяется да по городам беззаконие чинит... — добавил он, чересчур близко наклонившись к Фог, так, что можно было почуять запах рыбного супа от его бороды. — Вы такого не встречали?

— Нет, — честно ответила она. Хотела добавить, что лишь сегодня прибыла в город далеко с юга, но затем передумала: к чему это рассказывать каждому встречному? — Но благодарю за предупреждение, добрый человек... И скажи, чтоб друг твой показал свой морт-меч хорошему мастеру или киморту: с балансом у него что-то не то.

И, сказав это, шагнула под арку ворот, больше не оборачиваясь на стражу — словно так и надо.

— Приятно видеть, как робкая дева превращается в женщину, которая точно знает, чего она хочет и чего стоит, — усмехнулся Сидше и, взяв её под локоть, аккуратно потянул в сторону. — Пойдём-ка к торговым рядам. Сэрим и прочие наверняка уже там; да и соглядатая, которого приставила к тебе стража, сбросить со следа там будет проще.

— Соглядатая? — растерялась Фогарта, с трудом подавив желание оглянуться. — Укажи на него, и я его хоть сейчас отважу... Где он?

Самоуверенности у неё немного поубавилось.

— Видишь ту нищенку в коричневом покрывале? Я заметил, что начальник стражи дал ей монетку, а затем указал на нас, прежде чем вмешаться в твой спор с тем остолопом, который хотел заглянуть в сундук...

От слежки они избавились в ближайшем переулке, заставив женщину свернуть в неправильную сторону, а затем двинулись к городскому рынку.

А сам Ульменгарм оказался под стать стенам, окружавшим его, и потрясающим воображение воротам — сумрачный и торжественный, прекрасный и неуютный, древний и суетливый.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: столица процветает. Каждую площадь украшал фонтан — непременно с фигурой прекрасной девы либо ужасного чудовища, а если не фонтан — так монумент в честь какой-нибудь древней битвы или поединка чести. Новые скульптуры, видимо, установленные при нынешнем лорге, выглядели зачастую нелепо, словно большие куклы — с чересчур широкими плечами у мужчин и тоненькими, точно соломенные жгутики, руками у женщин. И два сюжета неизменно повторялись от раза к разу: воин грозно глядит вдаль, опершись на меч, а дева скорбит, прижав кулачки к груди. Более старые же изваяния были совсем иными — стремительными, точно пойманными в движении, и словно бы невесомыми. У одной из таких статуй, изображающей лукавого купца за подсчётом монет, Фогарта даже остановилась.

— Что-то особенное? — заинтересовался Сидше, проследив за её взглядом. Обошёл каменного купца по кругу; подобрав полы хисты, присел на корточки у памятной таблички, вглядываясь в символы; цокнул языком. — Здесь написано: «Сей скупец в голодный год отворил амбары и спас людей; обратись к его духу, и он одарит тебя золотом». Что думаешь? Он и вправду помогает людям разбогатеть?

«Думаю, что ты гораздо лучше знаешь наречие лорги, чем делаешь вид».

— Почему бы и нет? Золото в сундуке у него настоящее, а на дне ещё и самоцветов целая куча... Так что настойчивому просителю, который догадается разбить каменную крышку сундука, можно будет не страшиться бедности, — улыбнулась Фог. И снова повернулась к статуе, надвинув окулюс со лба на глаза. — О, так и знала, не показалось! Я не первый киморт, который за-

метил клад. Тут с полсотни записей на боку, сделанных морт... Только вот самой свежей лет пятьдесят, не меньше, — добавила она, посерьёзнев. — Получается, что с тех пор ни один киморт сюда не заходил?

— Или не заходил ни один киморт, любящий хорошую шутку, — задумчиво добавил Сидше и качнул головой. — Даже и не знаю, что хуже.

Фогарта улыбнулась в ответ, но в груди всё тревожно сжалось.

Спасённые из рабства близнецы мало что могли рассказать о делах кимортов на севере — после обучения они почти сразу отправились в путешествие. Онор припомнила, что друзей-погодок у них с братом не водилось. Сперва, когда их только привели в Хродду, в школе вообще было, кроме них, только два ученика, точнее, ученицы: одна девочка почти уже взрослая, а вторая помладше, лет двенадцати-тринадцати. К концу обучения детей стало больше — почти полтора десятка, и двадцать взрослых кимортов едва с ними справлялись.

«Если б не терпение наставника Телора, который почти все уроки брал на себя, то прочие учителя, пожалуй, сбежали бы в леса и подались бы в отшельники», — добавил тогда Лиура.

Собственно, школу в Хродде и открыл Телор — не самый могущественный киморт севера, но точно самый влиятельный. Фог сперва решила, что остальные обучают по старинке: берут ученика к себе в дом и заботятся о нём, как о собственном ребёнке, пока тот не повзрослеет и не получит от цеха собственный отличительный знак. Но сейчас задумалась: а были ли они, другие ученики?

До сих пор, от самых южных границ, им не встретилось ни одного.

А ведь морт-оружия вокруг хватало. У стражи, у дружинников, даже в охране у обычных купцов, ожидающих в очереди у ворот... Столько колдовских клинков не производил даже цех в Шимре; низкое качество самоцветов и мирцитовых вставок в рукояти в сочетании с грубой работой вообще наводило на недобрые мысли.

«Лиуру заставляли делать камни-заготовки, — размышляла Фогарта на ходу, вспоминая горы мутноватых аметистов, топазов и разноцветного кварца на низком столе в подземелье у Радхаба. — И среди гостей работоторговца был один купец с севера... Зря я его не расспросила тогда».

Но сокрушаться об этом было уже поздно.

Торговые ряды появились внезапно, словно из засады выпрыгнули. Фог в переулке наступила на подгнившую шкурку от ригмы, поскользнулась — и, неловко взмахнув руками, выскочила на открытое пространство.

Сундук выплыл следом, плавно и степенно.

«Ну вот, — огорчилась она, когда взгляды зевак сосредоточились на ней. — Даже короб из дерева, обитый железом, грациозней меня».

Но тут Сидше бережно взял её под локоть и шепнул, склонившись к уху:

— Идём-ка левее, я слышу флейту Сэрима. Хочешь пирожок в виде рыбки на палочке? Говорят, там внутри сладкая начинка из лесных кореньев, орехов и дикого мёда.

— Хочу, — откликнулась Фог, не рассуждая, и какие-то там осуждающие и любопытные взгляды тут же стали совершенно неважны. — А он вкусный? А ты пробовал? Откуда знаешь?

— Тебе понравится, — пообещал Сидше с улыбкой, остальные вопросы оставив без ответа. — И посмотри ещё вот на эти коржики, которые пекут на цветочной воде...

Среди торговых рядов он маневрировал с изяществом и непринуждённостью, выдающими давнюю привычку. Впрочем, рынки везде были одинаковыми. Те же прилавки; товары, разложенные так, чтоб выставить напоказ достоинства и скрыть недостатки; те же монеты, переходящие из рук в руки, сделки удачные и не очень, обман, лесть, деловитые покупатели и досужие зеваки... Разве что на юге одевались иначе и торговались охотнее, да и купцы были куда любезнее, зазывая прохожих к себе.

А ещё на севере не было рабов.

Проходя мимо угла, где торговали мелкой скотиной, домашней птицей и гурнами, Фог не могла не отметить, что эти клетки

чище, просторней и светлей чем те, что в пустыне предназначались для людей.

— Найди остальных, — вздохнула она, резко отворачиваясь от закутка, где маленький, трогательный детёныш гурна на ломких длинных ногах с опаской отщипывал понемногу от вязанки свежей травы. Рядом с ним стояло ведро, полное чистой воды, а пол был тщательно выметен. — Я... я пока загляну кое-куда, спрошу у мастеров, откуда им доставляют камни-заготовки для морт-мечей.

Недоеденный пирожок-рыбку она убрала в мешочек на поясе — аппетит резко пропал.

Чтобы попасть в соседний ряд, пришлось обойти почти половину площади. Устав продираться через толпу, Фогарта взобралась на сундук и дальше полетела так. По пути остановилась сперва у одного прилавка — прикупить мешочек пряностей из Ишмирата, затем задержалась у торговли-разносчицы ради гребня из ароматного тёмного дерева. Торговка — кьярчи, судя по чёрным волосам, сильно подведённым глазам и ярким одеждам с обильной вышивкой — так нахваливала свой товар, что Фог схватила ещё один гребень, для Онор, и лишь потом сообразила, что волосы у той слишком коротки.

«Отдам Сидше, — решила она, сосредоточенно разглядывая покупку. По краю гребня висала искусная резьба, залитая красным лаком. — Интересно, понравится ему? Цвет подходящий... А что, если ему алую хисту подарить? Возьмёт или нет?»

Мысль отчего-то будоражила.

Уже сворачивая с площади, краем глаза Фог заметила в толпе лицо — будто бы знакомое и чужое одновременно. Белая рубашка с синим узором, длинные светлые волосы... Сердце ёкнуло. Но в тот же миг зарыдала флейта где-то далеко, и откликнулась тревожным звоном семиструнка, и всё замельтешило, задвигалось, беспрестанно меняясь, а потом наваждение исчезло так же резко, как появилось.

Рыночная площадь снова стала такой, как прежде; таинственный незнакомец исчез.

Торговые ряды, где находились прилавки мастеров, располагались чуть наособицу. На входе там стояла настоящая стража — такие же хорошо вооружённые воины, как у городских ворот. Здесь никто не торговался, не сбивал цену; сюда приходили люди, которые точно знали, чего хотели.

— Оorra, почтенный, — произнесла Фог, припомнив на ходу, как полагалось обращаться к незнакомцам на севере. Торговец, худощавый усатый мужчина лет сорока пяти, неторопливо сдвинул окулюс на лоб и любезно обернулся к ней. — Не подскажите, откуда у вас эти камни?

В полумраке под навесом его живые голубые глаза казались тёмными, словно зимняя река; интерес в них, возникший было при виде киморта из Ишмирата, быстро угас.

— Не могу знать, госпожа, — скучным голосом ответил торговец и принялся аккуратно сортировать товар у себя на прилавке: заготовки под мирцитовые капсулы, грубовато пошитые окулюсы с отделкой из красно-коричневой кожи и чёрнёной кости, простой инструмент... Недорогие вещи, словом; шкатулка на двенадцать отделений, заполненная крупными жёлтыми цитринами, нежно-лиловыми аметистами, чёрными морионами, выделялась на их фоне, как сугроб снега посреди летнего луга. — У нашей семьи скромная мастерская. Эти камни отец приобрёл по случаю, но использовать их нам не под силу, так что остаётся только перепродать.

Взгляд у Фог растерянно скользнул по прилавку.

— Понимаю, — откликнулась она негромко и бережно взяла одну из заготовок. — Зато капсулы — ваш конёк, да? Хорошая работа, видно твёрдую руку. А вот эти, — и она выбрала из кучи ещё несколько капсул, — сделаны лучше прочих. Здесь видны не только усидчивость и старание, но и тонкое понимание материала. Такие заготовки прослужат дольше.

Мастер хоть и старался не подать виду, а всё же был польщён. И ясно почему — из всех капсул могущественная чужеземка выбрала его работу, отодвинув в сторону капсулы, сделанные отцом и братьями. Похвалила его, младшего среди всех; единственного, не сумевшего в столь почтенном возрасте найти жену,

а потому вынужденного делить обязанности продавца с племянниками и племянницами...

...он не знал, конечно, что Фог схитрила и из кучи совершенно одинаковых изделий просто отобрала те, которые несли на себе отпечаток человека, стоявшего перед ней.

— Купите? — спросил он с надеждой.

— Куплю, — кивнула она уверенно, благо стоили заготовки совсем немного. — Давайте все четыре штуки... И две колбы мирцита, — добавила она, присмотревшись к товару повнимательнее. — Какой чистый! Почём будет?

Торговец назвал цену; увидев, что чужестранка нахмурилась, он поспешил добавить:

— Но если две колбы берёте сразу, то могу скинуть!

«Не в том проблема, — подумала Фогарта, прикусив губу. — У нас в Шимре за мирцит такой чистоты дерут вдесятеро больше... Только вот откуда он здесь?»

— Со скидкой возьму, пожалуй, и три... нет, пять, — вслух ответила она, рассудив, что хороший материал лишним не будет, рано или поздно в дело пойдёт. — Заплачу золотом. У меня южные монеты, годятся?

Торговец оживлённо закивал и принялся напоказ высчитывать сдачу, приговаривая, что цена хороша, и товар хорош, и госпожа, видно по всему, хороший человек.

И в это мгновение было не отличить его от сладкоречивого купца-южанина.

Уже собираясь уходить, Фог снова повернулась к камням, наполненным морт, словно бы в сомнениях. Затем оглянулась, поманила к себе торговца и, понизив голос, сказала:

— Не моё это дело, но уйти, промолчав, не могу... Видите этот морион, уважаемый? У которого словно бы снежинка изнутри проступает? Уж не знаю, какой киморт его обрабатывал, но больше у него товар не берите. Дефект в нём, стремление было неясным и морт вложено мало. Для длинного клинка его использовать нельзя, самое большое — для кинжала размером с ладонь, иначе может случиться беда. А вот эти два цитрина — хорошие камни, они сослужат добрую службу.